

— Дацун, завтра дедушка поведёт тебя в город за цзянмитяо. Ну ответь же дедушку! — Командир был человеком осторожным, и дедушка Лян, услышав это, начал волноваться, встал на цыпочки и закричал Лян Цзивэню.

Все ждали ответа Лян Цзивэня, но он лишь снова яростно размахнулся деревом.

Сердца семьи Лян упали, мать Ляна разрыдалась, схватила кого-то за ухо и не отпускала, одновременно плача и ударяя по лицу, не забывая при этом пинать в пах.

— Дацун!

Бабушка Лян тоже не выдержала этого удара, ей стало трудно дышать. Третий дядя Лян, увидев это, бросил то, что держал, и подбежал поддержать её. Бабушка Лян едва дышала, тело её ослабло, но она держалась, чтобы не упасть.

Они ждали десять лет, десять лет Лян Цзивэнь наконец выздоровел. Думая о том, что Лян Цзивэнь снова станет объектом насмешек, они чувствовали себя ужасно. Пусть он был глупым, но Лян Цзивэнь был послушным и не доставлял хлопот. Однако они не могли смириться с тем, что их ребёнка будут показывать пальцем. Они не боялись странных взглядов, но их ребёнок не заслуживал такого наказания!

— Цуй Дапао, ты бессердечная скотина! Ты получишь по заслугам! Ты получишь по заслугам! — Дедушка Лян дрожал от гнева, он с силой бросил камень в Цуй Дапао и прокричал. — Если небо не накажет тебя, я это сделаю!

— По заслугам? Ха, рассмешили! — Цуй Дапао был ошеломлён этим поворотом событий, но он никогда не уступал в спорах. Он засмеялся и крикнул дедушке Лян. — Я стою здесь, и если у тебя есть сила, пусть молния ударит в меня! Вы, подрывающие основы социализма, не только угнетаете людей, но и поддерживаете феодальные пережитки. Посмотрим, кто из нас первым умрёт — вы от моей руки или я от вашего наказания!

Лян Цзивэнь, услышав это, пришёл в ярость и с грохотом бросил дерево. Все вздрогнули. Цуй Дапао хотел сказать, что Лян Цзивэнь притворяется сумасшедшим, чтобы избежать наказания, но увидел, как тот подошёл к середине дерева, обхватил ствол и повернул его, так что ветвистая часть оказалась у него в руках, а корни были направлены на людей Цуй Дапао. Под серой корой виднелись жёлтые шипы, и любой мог понять, что дерево было сломано, а не спилено.

— Гул...

Все глотнули, и родственники Лян Чунь, сбитые Лян Цзивэнем, не могли вымолвить ни слова. Их тела были не такими крепкими, как дерево, и они не хотели, чтобы Лян Цзивэнь снова на них напал.

Корни не имели такого радиуса атаки, как ветви, но если Лян Цзивэнь целился в кого-то, удар был гораздо сильнее. Лян Цзивэнь использовал силу, чтобы размахивать деревом, а корнями он мог колоть, не раскачиваясь, что было менее затратно по силам и более болезненно.

Сменив тактику, Лян Цзивэнь за минуту сделал несколько кровавых ран на двух людях.

— А...

— Ааааа!

Они катались по земле от боли, на каждом было не менее пяти-шести ран. Если бы не зимняя одежда, они бы стали похожи на ежей.

Лян Цзивэнь носился по двору, а третья тётя Лян и другие воспользовались тем, что внимание было приковано к нему, и забрали детей. Трое детей плакали, их лица покраснели. Третья тётя Лян обнимала близнецов, целуя их, и не обращала внимания на разрушения, лишь бы её дети были в безопасности.

Хотя во дворе было шумно, те, кто ворвались в дом, не вышли посмотреть и не прекратили своих действий. Они быстро обыскивали комнаты, ломали всё, что могли, продырявливали одеяла, рубили столы и стулья лопатами, а если находили деньги или талоны, забирали их себе.

Именно поэтому они так любили устраивать суды и избиения — перед этим они могли обыскивать дома в поисках доказательств. Если находили что-то ценное, это становилось их добычей, и это было главной причиной, почему у Цуй Дапао было так много сторонников.

Обыскав каждый уголок дома, они нашли только два талона на масло и десяток юаней. Они ругали семью Лян за бедность, но при этом быстро забрали перьевую ручку из комнаты старшего дяди Ляна и, ругаясь, вышли наружу, а затем отправились в заднюю часть дома, где выбросили все семена на землю, сломали деревянные стеллажи, растоптали рассаду и забрали несколько уже выросших капуст и молодых ростков, чтобы доложить, что нашли доказательства капиталистической деятельности.

Такие вещи были не только у семьи Лян, но и у каждой семьи в деревне Лянли. У того, кто доложил об этом, тоже было что-то подобное, но если это вынести на всеобщее обсуждение, можно было устроить шумиху.

— Ха! Вы, паразиты, теперь у нас есть доказательства. Что вы можете сказать в своё оправдание? — Цуй Дапао тоже был напуган действиями Лян Цзивэня, но, получив эти смехотворные доказательства, он словно получил подкрепление. Его злые мысли снова ожили.

Цуй Дапао и его люди бегали по двору, преследуемые Лян Цзивэнем. Они больше не решались действовать по-прежнему, метались по двору, боясь, что Лян Цзивэнь нацелится на них.

Цюй Чжицян тоже дрожал от страха перед Лян Цзивэнем. Он был трусливым и беспринципным, умел только подхалимничать и, имея поддержку, был готов на всё. Услышав угрозы Цуй Дапао, он бросился к Лян Тин, схватил её за волосы и дважды ударил по лицу. Он не был так близок с Цуй Дапао, как казалось. Цуй Дапао хорошо относился к его сыну, но к нему самому был равнодушен. Цюй Чжицян стал любимчиком Цуй Дапао, потому что беспрекословно подчинялся ему и делал всё, чтобы угодить.

Лян Тин, получив удары, почувствовала, как перед глазами поплыли звёзды. Её взгляд стал расфокусированным, она смирилась с избиением. Слезы, казалось, высохли, глаза были красными и сухими. Она думала, зачем она пошла в кино? Зачем пошла в туалет? Зачем пошла той дорогой? Если бы она не пошла в кино или умерла до этого, всё было бы иначе. Она не принесла бы столько бед своей семье, и их дом не был бы в таком состоянии. Лучше бы она вообще не родилась!

Она погрузилась в свои мысли, когда вдруг боль от того, что её волосы дёргали, исчезла, и она услышала крик Цюй Чжицяна, похожий на визг свиньи.

Она подняла голову и, в полубессознательном состоянии, увидела, как человек, который только

что бил её, корчился от боли, широко раскрыв рот.

— Аааааааа!

Лян Цзивэнь безжалостно вонзил шипы дерева в нижнюю часть тела Цюй Чжицяна. Мягкие ткани ягодиц не смягчили удар, и, когда Лян Цзивэнь вытащил шипы, на них остались кусочки мяса. Затем он ударил Цюй Чжицяна по спине.

Цюй Чжицян с криком упал на землю, Лян Цзивэнь бросил дерево на него. Ствол был тяжёлым, и Цюй Чжицян сразу прикусил язык, рот наполнился кровью. Но Лян Цзивэнь не удовлетворился этим, он встал на дерево и шагнул к нему. Он не смотрел на Лян Тин, поставил ногу на голову Цюй Чжицяна, и его лицо исказилось от давления.

— Ууу...

Цюй Чжицян не мог даже кричать от боли. Лян Цзивэнь дал ему передышку, но тот удар не оставил бы его инвалидом сразу, но через год или даже несколько месяцев всё могло измениться.

<http://bllate.org/book/16557/1510857>